

4) Культурное наследие. Многие объекты мемориального туризма обладают историко-культурной ценностью. Поэтому туристы, «имеющие прямое или косвенное отношение к событиям, которым посвящены достопримечательности, посещают их потому как отождествляют эти достопримечательности с частью их собственного наследия» [5. С. 11].

5) Медийная пропаганда. Средства массовой информации нередко не просто информируют о произошедшей трагедии, но и создают ажиотаж вокруг смертельных информационных поводов, подогревая к ним интерес общественности и превращая места катастроф, массовых жертв, гибели знаменитостей в точки притяжения мемориальных туристов.

6) Эмоции. Пожалуй, наиболее точно суть эмоциональной составляющей мемориального туризма сформулировала А. Ассман в работе «Длинная тень прошлого»: «Помимо информации, которую предоставляют музеи и архивы (содержательно не всегда связанные с территорией своего расположения), от места исторического события, где происходило массовое уничтожение людей, ожидается особое эмоциональное воздействие. Это отвечает, как мы уже видели, древней готовности паломников или людей, путешествующих с образовательными целями, подкрепить свои исторические знания живыми субъективными впечатлениями. Чувственная конкретика и аффективный колорит призваны углубить чисто когнитивное восприятие минувших событий, превращая его в личный опыт» [1. С. 133].

А. В. Ситон на основе указанных выше мотивов обращения к мемориальному туризму определил наиболее распространенные типы мемориальных путешествий:

- путешествие, мотивированное наблюдением смерти, например, публичной казни;
- путешествие в места, возникшие в результате трагических событий (например, Освенцим);
- путешествие к местам пленения, массовым захоронениям, отдельным могилам и памятникам;
- путешествие к повторяющимся событиям;
- путешествие в места, где есть свидетельства о погибших, например, музеи [8. С. 236].

Ф. Стоун предложил до сих пор наиболее востребованную классификацию объектов мемориального («черного») туризма:

- 1) Dark Fun Factory – «темная» индустрия развлечений;
- 2) Dark Exhibitions – «темные» выставки;
- 3) Dark Dungeons – «темные» тюрьмы;
- 4) Dark Resting Places – кладбища и отдельные захоронения;
- 5) Dark shrines – «темные» святыни (места поклонения);
- 6) Dark conflict sites – «темные» места вооруженных конфликтов;
- 7) Genocide tourism – туризм к памятникам геноцида (концентрационные лагеря, захоронения жертв геноцида и пр.) [5. С. 7].

А. Ассман, в работах которой тема мемориального туризма играет очень большую роль, сформулировала специфику объектов мемориального паломничества, назвав их «травматическими местами».

1) «Травматические места обладают особой “антеической магией”»: они позволяют ощутить энергию непосредственного соприкосновения с аутентичным местом разворачивания исторических событий, интегрировать место катастрофы в личный опыт переживания мира.

2) «Травматические места одновременно аутентичны и инсценированы»: они подвергаются осознанной и необходимой музеефикации (реконструкции,

сконструированности), основанной одновременно на аутентичности (подлинных следах страшных событий) и на ее разрушении, которая неизбежна просто в силу того, что такого рода события остались в прошлом. И на предметном, и на эмоциональном уровнях. В качестве иллюстрации подобного свойства травматичных мест А. Ассман приводит цитату из воспоминаний Р. Ключер, узницы концентрационного лагеря Дахау: «Однажды я посетила Дахау, поскольку этого захотели мои американские друзья. Там все было чисто, ухожено, и требовалось гораздо больше фантазии, чем это бывает у обычных людей, чтобы представить себе, что здесь происходило сорок лет тому назад. Камни, доски, бараки, плац для построения. Древесина пахнет свежо и терпко, по просторному плацу разгуливает ветерок, а бараки выглядят прямо-таки гостеприимно. Что тут может прийти в голову, какие ассоциации? Скорее туристический кемпинг, нежели мучения и пытки» [1. С. 134].

3) «Травматическое место является палимпсестом»: оно является точкой пересечения, наслоения, переплетения различных нарративов – биографических, историко-событийных, темпоральных, эмоциональных, ценностных и пр.

4) «Сверхдетерминированность и мультиперспективность травматического места»: оно приобретает различные оценочные и функциональные параметры в системах координат разных людей, по-разному связанных с травматическими местами и включенных в травматическое событие с разной степенью интенсивности и с различных перспектив.

А. Ассман выделила несколько групп «потребителей» травматических мест:

– непосредственные участники травматических событий, для которых травматические места служат источником драматического опыта, свидетелями пережитых страданий;

– родственники погибших участников травматических событий, для которых такого рода места являются местом гибели родных людей;

– туристы, не имеющие личных связей с травматическим местом, воспринимающие его как мемориальный объект;

– представители религиозных или политических групп, совершающие паломничества к местам мученической смерти своих выдающихся представителей;

– главы государств, воспринимающие травматические места как арену для собственных публичных заявлений;

– историки, изучающие травматическое место как исследовательский объект [1. С. 134].

Подводя итог, можно отметить, что мемориальный туризм чрезвычайно популярен во всем мире, и с каждым годом его популярность все возрастает. В каждой стране есть собственная карта мемориальных объектов, отражающая ее историю, травмы, кризисы и способы их преодоления. Есть государства, богатые на точки притяжения черных туристов (как, например, Германия), и такие, в которых черный туризм практически сведен на ноль (например, Китай). Однако повсеместно мемориальный туризм привлекает к себе внимание, как ученых, так и искателей острых впечатлений, пожалуй, потому, что «при всей материальной конкретности оно предьявляет свой смысл в большом многообразии, позволяя увидеть себя в самых разных перспективах» [2. С. 115].

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с. – Текст : непосредственный.

2. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой; пер. с нем. Б. Хлебникова / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – Текст : непосредственный.
3. Churchill, R. S. *The Sinews of Peace. Post-War Speeches by Winston S. Churchill* / R. S. Churchill. – London : London-Press, 1948. – 422 p. – Текст : непосредственный.
4. Cohen, E. H. Educational dark tourism at an in populo site: The Holocaust museum in Jerusalem / E. H. Cohen. – Текст : непосредственный // *Annals of Tourism Research*. – 2015. – 38 (1). – P. 193–209.
5. *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism*. Ed. by R. Sharpley and P. R. Stone. – Bristol, UK: Channel View Publications, 2009. – 388 p. – Текст : непосредственный.
6. Drvenkar, N., Banožić, M., Živić, D. Development of memorial tourism as a new concept – possibilities and restrictions / N. Drvenkar, M. Banožić, D. Živić. – Текст : непосредственный // *Tourism and Hospitality Management*. 2015. Vol. 21. No. 1. – P. 63–77.
7. Lennon, J., Foley, M. *Dark Tourism* / J. Lennon, M. Foley. – London : Continuum, 1996. – 184 p. – Текст : непосредственный.
8. Seaton, A. V. Guided by the Dark: from thanatopsis to thanatourism / A. V. Seaton. – Текст: непосредственный. – Текст : непосредственный // *International Journal of Heritage Studies*. – 1999. – 2 (4). – P. 234–244.

MEMORIAL TOURISM AS A DIRECTION OF MEMORIAL CULTURE: ESSENCE, TYPES, REASONS FOR DEMAND

N. U. Yarychev

A .A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, nasrudiny@mail.ru

The article deals with memorial tourism as one of the directions of memorial culture, the essence of which boils down to visiting “traumatic places” (A. Assmann) associated with disasters, mass deaths, human torments, etc. The main reasons for the demand for memorial tourism can include the search for novelty and thrill, curiosity, the desire to overcome temporal discreteness, the propaganda influence of the media, the desire to touch memorable and iconic places.

Specific features of the objects of memorial tourism are: ante-magic (they allow to feel the energy of direct contact with the authentic place of unfolding of historical events); authenticity and staging (they are subject to a conscious and necessary museification, based simultaneously on authenticity (authentic traces of terrible events) and its destruction); palimpsest (intersection in a traumatic place of different narratives); superdeterminacy and multiperspectivity (they acquire different evaluative and functional parameters in the coordinate systems of different people).

Key words: past, cultural memory, memorial culture, memorial tourism, black tourism.

References

1. Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 328 p. (in Russ).
2. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [A new discontent with memorial culture]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 232 p. (in Russ).

3. Churchill, R. S. (1948). *The Sinews of Peace. Post-War Speeches by Winston S. Churchill*. London, London-Press, 422 p.
4. Cohen, E. H. Educational dark tourism at an in populo site: The Holocaust museum in Jerusalem. *Annals of Tourism Research*. 2015. 38 (1). pp. 193–209. DOI:10.1016/j.annals.2010.08.003
5. *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism* (2009). Ed. by R. Sharpley and P. R. Stone. Bristol, UK, Channel View Publications, 388 p.
6. Drvenkar, N., Banožić, M. and Živić, D. (2015). Development of memorial tourism as a new concept – possibilities and restrictions. *Tourism and Hospitality Management*, 1, Vol. 21, pp. 63–77. DOI:10.20867/thm.21.1.5
7. Lennon, J. and Foley, M. (1996). *Dark Tourism*. London, Continuum, 184 p.
8. Seaton, A. V. (1999). Guided by the Dark: from thanatopsis to thanatourism. *International Journal of Heritage Studies*, 2 (4), pp. 234–244. DOI: 10.1080/13527259608722178

Насруди Увайсович Ярычев – доктор философских наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор кафедры теории и технологии социальной работы, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы, проректор по учебной работе, Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова.
nasrudiny@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.0

DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10303

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ВАДИМА БАЛАБАНА

К. В. Горунова, Т. Ф. Семьян

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск

В статье рассмотрено творчество Вадима Балабана. Визуальная составляющая его поэзии представлена как элемент художественного целого, который создает взаимосвязь с другими элементами его творчества: фотография и видеопозия. Рассматриваются различные визуальные и звуковые особенности текста. Предметом внимания становится взаимосвязь между поэзией и фотографиями, автором которых является Вадим Балабан.

Ключевые слова: поэзия, визуальность, фотография, метафора.

Балабан Вадим Анатольевич – уральский поэт. Родился 16 октября 1978 года в городе Троицке Челябинской области.

Первые стихотворения Вадим Балабан начал писать еще в шестом классе. А спустя некоторое время отправил тетрадь своих произведений на городской молодежный литературный конкурс. Так, в канун нового 1993 года, на странице местной газеты среди стихов других конкурсантов было опубликовано стихотворение и Вадима Балабана. С этого начался творческий путь Вадима Балабана как поэта.

Стихи поэта публиковались в журналах «Урал», «Зинзивер», «Гвидеон», «Василиск», «Плавучий мост», «Вещь», «Белый ворон», «Новая реальность», «Паровозь», «Южное сияние» и других. Автор сборников стихов «Памятник» (2010), «Стихи. 1998–2013» (Челябинск, Издательство Марины Волковой, 2014, серия «Галерея Уральской Литературы»), «Нулевая Палата» (Кыштым, Мегалит, 2015, серия «Только для своих»). Участник антологий «Современная уральская поэзия. 2004–2011», «Русская поэтическая речь. 2016». Вадим Балабан являлся участником проекта «ГУЛ» («Галерея уральской литературы») и «Год уральской литературы»), автопробегов «ГУЛ».

Движущее средство поэзии Вадима Балабана – звучность и визуализация. В его поэзии даже паузы имеют свой звук и особую ритмику. Музыкальность стихотворений особенно заметна при авторском чтении. Но каждый, кто читает стихи Балабана самостоятельно, может отметить для себя, что расположение и длительность его пауз позволяет читать стихотворение с разными интонациями одновременно.

Особенность поэтики уральского поэта в том, что в его произведениях есть мотив движения и зафиксированной протяжённости: «три буквы едут воевать...», «...дном переходит рыбак». А сами стихи благодаря такому эффекту воспринимаются как бесконечное движение: от кого спасается лирический герой или, напротив, кем он ведом на протяжении всей подборки, остаётся загадкой, на которую нет четкого ответа, иногда просто невозможно уследить за меняющимися кадрами.

Мозаичность порой трудно понять, а концовка не всегда имеет мощную энергетику, но при повторном чтении открывается твёрдый и мужественный жест.

Например, стихотворение «предметы двигая в трубе», где рефрен «три буквы едут воевать» не только задаёт особый энергетический посыл, но и отсылает к многообразию

смыслов – от самого грубо-очевидного, ассоциируемого с устойчивым выражением «послать на три буквы», до сказки про трёх богатырей и атмосферы детского спектакля.

Вадим Балабан имеет характерные и узнаваемые особенности поэзии: от характерной расфокусировки зрения, позволяющий наблюдать одновременно за множеством предметов и их движением, до игровых стратегий и превосходства звучания над смыслом.

«где поезд выгнутый направо
уводит хроники состава
кричат грачи как басмачи
свой ахтунг-ахтунг из ночи»

Поэзия Челябинска уже вписана в уральский региональный текст, в контекст современной российской литературы, потому что развивает общие для литературной эпохи черты, мотивы, образы, интонацию. Вместе с тем, эта общая интонация современной литературы складывается из ярких индивидуальностей поэтов, каждый из которых имеет собственный опыт осмысления, понимания и проживания жизни, что находит отражение в их творчестве. Эти личные поэтические истории с неповторимо-индивидуальным фокусом взгляда на мир помогают понять настоящее нашей литературы и заглянуть в будущее.

Индивидуальным словарём поэтических образов в стихотворениях Вадима Балабана являются пространственные координаты: поле, равнина, небо.

Главной особенностью поэта является не стремление за пределы личностного пространства, а исповедальные интонации, которые иногда используются, сглаживая иронические речевые вставки, и благодаря этому некоторые высказывания в его поэзии воспринимаются как откровение.

«пройдя до половины реки встали
застыв прозрачной головой во льду
...он «ох» поет кровавыми устами
в две тысячи пятнадцатом году...»

В стихотворениях Вадима Балабана можно найти смешения лирических форм и даже культур. Например, в стихотворении «Ливийская поминальная».

Стихотворение Вадима Балабана «Ливийская поминальная» находится на стыке двух культур: славянской (на это указывает песенный рефрен «люли-люли») и восточной (льва сожрали шакалы – отсылка к восточным легендам, где шакалы являются воплощением подлости, а лев – это смелый и царственный хищник / пожары ни капли ливня – намек на жаркие пустыни Ливии) [10].

«пойду ль выйду ль я из ливана
в ливию
левиафана держи крепче
ой люли люли муаммара держи крепче отче
дома дыма не зреют не могут очи
всё проходит с утра до ночи»

Лирический герой произносит молитву о погибшем «Муаммаре» (Каддафи) и новом всепоглощающем Левиафане (Уолл-стрит).

На стихи Вадима Балабана «Ливийская поминальная» был снят клип. Режиссером выступил Ник Медведев, клип был опубликован в 2017 году.